

Демонологический рукописный мотив и северная сказка *)

Проф. П. Богословский.

К категории народных поверий относится убеждение, что дьявол и вообще нечистая сила всегда готовы явиться на зов человека, для чего иногда достаточно бывает произнести их имя. Помощь нечистой силы часто влечет за собой для человека несчастье и вообще сопровождается чудесными обстоятельствами.

Источник такого поверья надо искать в кругу сказаний демонологического характера, восходящих к восточной агиологии или прошедших сквозь призму дуалистического богомильства.

Выявление генезиса подобного поверья представляет интересную проблему историко-литературного и культурно-бытового характера. В интересах правильного разрешения этой проблемы необходимо привлечение возможно широкого и разнообразного материала.

С этой точки зрения нам представляется далеко не безынтересным издаваемый ниже рассказ, извлеченный нами из рукописи XVII—XVIII в.в., и помещенный в ней после „ис книги цръствено сказанія Іоанна Пресвѣтова о царѣ турскомъ махмете, како хотѣлъ сожещи книги греческія въ лѣто 6961 **“¹⁾).

О гордости и ярости иже слан і подручныхъ своихъ именемъ звати г(лаго)лют поиди чертъ или діяволъ или бѣс. Глава 51 **).

Бѣ мужъ житія добродѣтелнаго ибо званія именитаго именемъ Стефан. Той нѣкогда ездя, от пути возвратися рабишу своему рече, пришед: чортъ, разуй мя. И егда сіе точію изрече, начашася сапоги сами съматися і не точію бо голенищам трещати, но всѣмъ ножнымъ составом. Стекошася ч(е)л(овѣ)цы на глас и яснове всѣмъ извѣстися, яко его же воспомянух призыва, той скоростю и нечесно сапоги содра. Но и самъ той Стефанъ ouразумѣ о сем, зѣло ужасеся. Нача звати: отиди, отиди злый слуго и послужниче, не тебѣ оубо, но купленаго моего раба неправедно возвзвах; отиди оубо дѣмонъ. Сапоги же обретошася

*) Настоящие параллели принадлежат к материалу, собираемому нами для научного исследования по вопросу о взаимодействии древне-русской письменности и устного народного творчества.
П. Б.

1) Рукопись („Цветник“) из Соликамского у., Пермской губ., сборная (XVII—XVIII в.в.), в 80; на 412 листах. Издаваемый текст помещается на л. 201 и 201 об.

**) За неимением в типографиях г. Вологды славянского шрифта буквенное обозначение года и главы пришлось заменить цифровым.
Р. е. д.

в неприступном мѣсте, идѣ же ч(е)л(овѣ)цы истребляются. От сего показуется, яко врагъ тщаливъ к работѣ телѣсником. Аминь¹⁾.

Конструкция речи говорит о перевodном характере рассказа. Мировая распространенность мотива о помощи черта (беса) общеизвестна. В наши задачи пока не входит историко-литературный анализ рукописного эпизода. Мы теперь ограничимся лишь приведением некоторых параллелей к нему из области народного творчества (именно из сказочного репертуара).

В нашем рассказе можно отметить три момента: 1) название господином слуги не по имени, а чортом; 2) исполнение невидимым чертом приказания господина; 3) перенесение сапогов в „неприступное место, идѣ же человѣцы истребляются“, т. е. в место жительства беса.

Первый момент оттенен и в заглавии („о гордости и ярости“) и придает всему рассказу характер затуманенной морализации. В области сказок этот момент совершенно трансформируется, почти не фигурирует. Кроме того, в сказках произнесение имени черта иногда делается в расчете на конкретное появление его, но бывает, что появление нечистой силы оказывается совершенно неожиданным. См. напр., записанную Д. К. Зелениным вятскую сказку „Сапоги для лешего“²⁾.

Второй момент рукописного рассказа, представляя в сказках со стороны фактической большое разнообразие, сохраняет в них, однако, свое формальное значение. Третий же момент, имеющий в рукописи значение доказательства, в сказках принимает просто эпический характер.

Подобную трансформацию можно установить, напр., при сопоставлении рукописного текста со следующими сказками:

1. „Мужик и цѣрт“³⁾. „Мужик хлеба снял много, семейство было большое, робят много, а молотить некому. Подумал ён, что хоть бы цѣрт на гумно пришел, помолотить бы пособил. Цѣрт приходит.—„Што ты мужик думал?“—„Ничево я не думал“—говорит. Цѣрт сказал: „Нет, сказывай!“ Мужику пришлось сказать: „Я, мол, думал, чтобы цѣрт молотить пришел.“—„Давай примусь“—говорит и заял молотить. Снопы полятели к полатям. Мужик видит, что дело не ланно, остановился и глядит“.

В дальнейшем, рассказывается, как черт за свое непомерное усердие получил от мужика совершенно неожиданную плату: путем хитрости, сославшись на себя, как на образец, мужик его оскопил. Когда возмущенные этим черти пришли толпой отомстить мужику, последний снова перехитрил нечистую силу, послав в качестве объекта экспертизы свою жену, переодетую в его одежду. Черти, приняв ее за мужика, убедились, что мужик давно уже „кладеный“, и ушли с гумна.

1) Помещенные в скобки буквы заключались под титлами.

2) Зеленин. Великор. сказки Вятской губ. № 54, стр. 186—188 „Сапоги для лѣшего (Рассказ катанщика)“. „Думаѣм сами себе: „щѣ за лѣшой, никто нам валешки не даѣт катать! Хоть бы лѣшой дал валешки-то скатать то!“ И вдруг выходит из-за стороны лѣшой. И спрашивает нас: „куды, ребята?“—„Валешки ходим катаем, да никто не даѣт нам“.—„Дак пойдѣмте ко мнѣ катать“... (187 стр.).

3) Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. Изв. отд. р. яз. и сл. И. Ак. Наук. 1915. № 36, стр. 57—58.

Как можно видеть, второй момент нашего рукописного текста имеется в этой белозерской сказке, только применение здесь иное. Затем следует отметить реальное появление чорта, явившегося к услугам мужика не по слову, но лишь по мысли его. Кроме того, сказка, как мы уже выше заметили, не имеет в этом мотиве характера серьезного рассказа с тенденцией к морали. Мужик в ней превалирует над бесом, который изображен здесь в карикатурном виде, как и во многих других сказочных сюжетах (—чарта позднейшего времени). Между прочим, надо сказать, что указанная белозерская сказка представляет яркий образчик народного юмора и в некоторых деталях грубого реализма.

2. *Мужик и чорт*¹⁾. „Однажды мужик на озере рыбу ловил, рыба не попадалась, он и подумал: „Хоть бы черт мне дал рыбы-то!“ Подумал, и пошел домой. На дороге попался ему человек и говорит: „Что ты, мужик, думал?“—Ничего я не думал.—„Как ничего не думал? Вспомни-ко хорошенько“. Тогда мужик вспомнил свою думу на озере, и говорит:—я подумал: хоть бы черт мне дал рыбы-то!—„Это хорошо, а что от добра дашь?“—В дальнейшем повествовании опять фигурирует хитрость мужика, расплатившегося за рыбу медведем вместо обещанного быка.

У этой архангельской сказки есть сходство в частностях с белозерской (явление чорта только по мысли, хитрость мужика, реальное появление чорта). Характер общесказочный, морализации рукописного рассказа нет.

3. *Из рассказов про лешего*²⁾. „Девченки ушли в лес по ягоды, да что то долго домой не шли. А мать и сказала: „Черт вас не унесет, ягодницы“. Девочки вышли на лядинку, вдруг он и показался со своими детками. Говорит им: „Пойдемте, девки, со мной“. Они приняли его за деда и пошли вслед. И повел их лесом, где на плечи вздымет, где спустит. Они как молитву сотворили, а он им: „девки, чего вы ругаетесь?³⁾ Не ругайтесь!“ И привел их в свой дом, к своим ребятам, человек восемь семейства. Ребята черные, худые, некрасивые“.

Эта олонецкая сказка ближе, сравнительно с первыми сказками к мотиву нашего рукописного текста. Здесь нет юмористического элемента, тон выдержан серьезный и чувствуется тенденция к морализации. Кроме того, здесь имеется точка соприкосновения с третьим моментом рукописного рассказа: девочки оказались в жилище лешего (чорта).

Для сопоставления можно привлечь известный мотив: дети, проклятые родителями, оказывались во власти нечистой силы. См., напр., соликамскую сказку „О коте и решете“⁴⁾. („В не известной нам деревне

1) „Северные сказки (Архангельская и Олонецкая г.г.)“. Сборник Ончукова. СПб. 1908. (Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXXIII). № 67, стр. 177—178. (Сказка из Архива Геогр. Общ. I, 57).

2) Ibid, № 198, стр. 465. (Сказка Олонецкой губ.).

3) В оригинале—сборнике на месте данного слова находится несовсем цензурное выражение и замененное редакцией по соглашению с автором статьи и автором сборника Н. Е. Ончуковым.

4) „Пермские сказки“, Сб-к Зеленина, 1914. № 68, стр. 377.

жила старушка с сыном.. Не знала старушка, почему то своего сына прокляла. Сын ее провалился сквозь землю..“) Некоторые поверья и легенды о проклятых своими родителями детях собраны Зелениным в его статье: „К вопросу о русалках“¹). Также в его же Вятских сказках (стр. 282): „проклятёныш“ оказывается на службе у чертей. Ср. еще записанную Зелениным вятскую сказку „Портной и чорт“²).

Нам лично приходилось слышать в Пермском и Соликамском (Усольском) уездах Пермской губ. многочисленные народные рассказы об унесенных или уведенных нечистой силой детях, проклятых родителями. Из этих рассказов мог бы составиться интересный для фольклориста сборник.

Из произведенного выше небольшого историко-литературного анализа можно, между прочим, сделать некоторое заключение относительно приемов творчества и общего направления сказок позднейшей формации. Нам кажется, что из наших сопоставлений достаточно выясняется, как постепенно идеиный и нравоучительный элемент письменной традиции при переходе и углублении мотива в народное сознание постепенно теряется и мотив приобретает часто бытовой характер, чему немало, думаем, содействует стремление народного творчества к реализму, так как благодаря этому персонажи и обстановка становятся ярко жизненными, а морализация, тенденция и вообще идеиность затушевываются и постепенно выходят из сказочного репертуара, оставаясь лишь, в виде осадка, в глубинах народной души и проявляясь как верование, поверье...

Пермь 1921.

¹) „Живая Старина“, 1911, стр 393.

²) „Великор. сказки Вятской губ.“ Сб-к Зеленина, 1915, № 36, стр. 143.